

Л.Р. ХУТ

ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

Рецензируемая работа¹ представляет собой учебное пособие для студентов исторических факультетов, изучающих курс «Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки». Её автор, Андрей Борисович Соколов, — декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Великобритании и российско-британских отношений, современной зарубежной историографии и теории обучения истории. Написать рецензию, не ограничивающуюся формализованным набором «достоинств и недостатков» данного труда, меня побудил текст, не типичный для изданий подобного рода. Текст, который приглашает к диалогу, потому что сам это пространство диалога создает: в каждой строчке слышны авторские интонации, нет назидательности и безапелляционности, а главное — видно уважительное отношение к студентам как к младшим, но все равно коллегам по «ремеслу».

Пособие включает введение, 12 глав и итоговый тест. Главы структурированы по «национально-хронологическому» (терминология автора. — *Л.Х.*) принципу. Введение и каждая глава снабжены библиографическими списками на русском и английском языках. Списки, как правило, составлены тщательно и добросовестно, с включением, в том числе, публикаций самого автора². Сильная сторона пособия — вопросы и задания к главам, «которые ориентированы не на простое воспроизведение прочитанного, а несут творческий характер, требуют внимательного прочтения текста, концен-

---

¹ *Соколов А.Б.* Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. Учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 242 с.

² *Соколов А.Б.* Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002; *Он же.* Интервью с Х. Уайтом // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2005. № 14; *Он же.* Интервью с Р. Козеллеком // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2005. № 15; *Он же.* «Будущее немислимо без прошлого...». Интервью с профессором Й. Ролфесом // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 3.

трирования на отдельных деталях, исторической интуиции» (С. 5), а также итоговый тест, на вопросы которого, при всей нелюбви к подобному рода способам проверки знаний, я отвечала с интересом.

Все мы хорошо помним, с каким «священным трепетом» перед необъятностью предлагаемого материала и его изначальной не умопостигаемостью приступали в студенческие годы к изучению огромных учебных пособий по историографии нового и новейшего времени, созданных большими авторскими коллективами как бы специально для того, чтобы на всю жизнь привить выпускникам стойкую неприязнь к самому слову «историография». В этом смысле автор идет другим путем и скорее продолжает традицию историографических пособий, представленную хорошо известными в преподавательской среде работами И.Я. Биска³ и коллектива авторов в составе Л.П. Репиной, В.В. Зверевой и М.Ю. Парамоновой⁴.

Ненавязчивые ремарки, разбросанные по всему тексту, вводят читателя в круг проблем и терминологию современной исторической науки, анализируются ли «стратегии историописания» (С. 7), «источник как “след” прошлого» (С. 7) или речь идет об «образах прошлого» (С. 8), «истории снизу» (С. 91), «знаниевой парадигме» (С. 92). Буквально с первых страниц текста автор активно употребляет термин «дискурс» и производные от него слова и словосочетания, типа: «дискурсивные поля» (С. 4), «дискурсивный подход», «современный дискурс», «религиозный дискурс» (С. 6), «дискурсивный анализ» (С. 7), «историографический дискурс» (С. 38), «дискурс о слепоте» (С. 39), «дискурс о марксизме» (С. 57), «дискурс о колониализме» (С. 65), «колониальный дискурс» (С. 66), «идеологический дискурс» (95), «дискурсивный поворот» (С. 131), «соперничество дискурсов», «дискурс террора» (С. 181), «вид дискурсивной практики» (С. 187). Наиболее высокая частота использования термина и его производных, естественно на тех страницах пособия, где речь идет о М. Фуко: «дискурсивные рамки», «дискурсивная практика» (С. 175), «дискурсом, существующими правилами, контекстом» (С. 176), «дискурс о сексе», «дискурс о сексуальности», «фор-

---

³ Биск И.Я. История исторической мысли в новое время (Западная Европа: XVIII – 90-е годы XIX вв.): учеб. пособие. Иваново, 1983.

⁴ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М., 2004.

ма дискурса», «традиция дискурса», «религиозный дискурс», «медицинский дискурс» (С. 177) и т.д. Очевидна «неслучайность» этого словоупотребления, так как сам авторский текст дискурсивен изначально и по своей сути. Таким образом, термин «дискурс» в известном смысле является смыслообразующим ядром работы.

На страницах пособия взору читателя открывается настоящая «драма идей» (М.И. Бациер)⁵, какой, собственно, и является история исторической науки. Рассказывая о Ж. Бодене — крупнейшем представителе французской гуманистической историографии XVI в., автор не забывает упомянуть о том, что «он был одним из главных демонологов (гонителей ведьм) той эпохи», подчеркивая, что «в этом сказалось противоречивое влияние времени» (С. 19). Нельзя без трепета читать приводимые в пособии строки из воспоминаний дочери Н.И. Кареева о том, как уходил из жизни ее затравленный властью отец: «...он, уже в агонии, вдруг стал громко декламировать «Вакхическую песнь» А.С. Пушкина, начиная со слов «Ты солнце святое, гори!» и прочел ее до конца, закончив: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!». Это были его последние слова» (С. 207).

Приятно удивили вплетенные в канву текста не «затертые» цитаты из анализируемых сочинений историков — как правило, яркие и, как правило, к месту. Так, например, мы узнаем, что, по мнению Т.Б. Маколея, «Карл (речь идет об английском короле Карле I Стюарте. — Л. Х.) был не только самым бессовестным, но и самым бес talentным притворщиком» (С. 43). А вот суждение Ж. Мишле о Марате: «Врач без больных, он принял Францию за больного и решил устроить ей кровопускание» (С. 45).

Многочисленны примеры сопряжения анализируемых текстов с контекстом, в котором они создавались: «В эпоху расцвета железнодорожного строительства Маркс называл революции «локомотивами истории» (С. 51). Или информация о том, что свою известную книгу «Американская политическая традиция и кто ее создал» (1948) Р. Хофстедтер «начал писать у постели смертельно больной жены, чем иногда объясняют ее тон и резкость оценок» (С. 134).

Автор актуализирует днем сегодняшним свои размышления о развитии историографии в предшествующие периоды. Так, характе-

---

⁵ Вопросы истории. 1994. № 1. С. 188.

ризуя творчество Дж. Вико, А.Б. Соколов приходит к выводу, что «для него (Дж. Вико. — Л.Х.) язык — не внешняя форма, в которую заключен «логос» (мышление), а фактор, определяющий мыслительные способности», и замечает в скобках, что «в этом ученый, кажется, предвосхитил теории XX века, приведшие к «лингвистическому повороту» (С. 23). Возникновение распространенной метафоры «внутреннего зрения», подразумевающей «особую способность историков видеть вглубь, улавливать такие движения, какие не могут быть заметны глазу простого смертного», и провозглашаемой «профессиональным качеством историка» (С. 40), автор связывает с творчеством одного из «великих слепых» — французского историка О. Тьерри и популярным «дискурсом о слепоте». Профессиональным историкам хорошо известно мощное влияние позитивистской парадигмы на историческую науку, в том числе в нашей стране. «Хотя позитивизм как фундамент исторических исследований подвергался все более нарастающей критике с начала XX века, а особенно с 1920–30-х гг., — отмечает по этому поводу А.Б. Соколов, — его и сейчас нельзя считать прошедшим этапом. Значительная часть историков и сегодня, осознанно или неосознанно, стоит на позитивистских позициях. Существует точка зрения: многие современные российские историки в условиях после падения советской марксистской идеологии стоят на позициях, которые можно определить как «смесь» марксизма и позитивизма». (С. 66).

По-новому посмотреть на основы ремесла побуждают будущих историков строки о том, что «в годы Французской революции Людовик XVI, в ожидании приговора, пытался найти утешение, перечитывая главы о Карле I из «Истории» Юма» (С. 23). Как захватывающий роман читаются страницы, повествующие о драмах жизни и судьбы известных историков, идет ли речь об О. Тьерри — «мученике науки» и, безусловно, ярчайшем представителе школы французских историков периода Реставрации, в ночь перед смертью продиктовавшем правку в одну из глав «Истории завоевания Англии» (С. 39), или о предсмертных словах историка кромвелевской революции С. Гардинера, что ему «не суждено дожить, чтобы увидеть кончину Оливера» (С. 79). А после авторской ремарки об «интереснейших мемуарах» прожившего «неординарную жизнь» (С. 35) Ф.Р. Шатобриана просто невозможно не прочитать «Замогильные

записки» яркого представителя французской консервативной историографии первой половины XIX в. Астрономический тираж «Монтайю» Э. Леруа Ладюри в 200 тыс. экз. упомянут как иллюстриация тезиса автора о том, что «труды профессиональных историков привлекают широкого читателя» (С. 174). Одновременно это ненавязчивый ориентир для чтения младшим коллегам — студентам.

Автор не упускает связь между академической историографией и практикой обучения истории: «обращение к вопросам преподавания истории помогает яснее оценить контекст, в котором происходило развитие историографии, ибо острота общественных дискуссий или государственное давление, как правило, сильнее, когда речь идет об обучении, особенно в школе» (С. 4-5). Складывание типа учебника, «ориентированного на то, что в наше время называют «знаниевой парадигмой», автор сопрягает с «влиянием методологии позитивизма» (С. 92). Господство позитивистской парадигмы в историческом образовании иллюстрируется словами героя романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена»: «Итак, все, чего я хочу, это факты. Учите этих мальчиков и девочек ничему другому, но только фактам. В жизни нужны только факты» (С. 67). Как диссонирует этот подход с пониманием роли знания и его функций в современном обществе! «Сократ полагал... что цель знания заключается в самопознании и саморазвитии; при этом результаты служат самому человеку. Оппонент Сократа, Протагор, утверждал, что цель знания — уметь сказать что нужно и как нужно... То, что мы теперь называем знанием, ежечасно доказывает свою значимость и проверяется на практике. Знание сегодня — это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов»⁶.

О тесной связи «между преобладающим направлением в исторических исследованиях и обучением истории в школах» (С. 105) мы узнаем в рубрике «Война учебников» главы, посвященной американской историографии первой половины XX в. О том, что «на философии Коллингвуда строится одна из современных методик школьного исторического образования, существующая в Англии и выражаемая принципом «делать историю» (С. 107), речь идет в главе

---

⁶ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 99.

по британской историографии первой половины XX в. «Поскольку в рамках такой парадигмы история не может «давать уроков», цель преподавания истории в школе видится в том, чтобы поставить учащегося в положение «маленького исследователя», который создает на основе использования источников, представленных в доступной форме, свою интерпретацию исторического события. Такой подход направлен не на запоминание фактов, а на развитие навыков исторического мышления, которое по своей сути является критическим. Цель школьного исторического образования, следовательно, заключается в развитии критического мышления, которое необходимо любому гражданину в демократическом обществе». (С. 110). В главе по американской историографии второй половины XX – начала XXI вв. есть рубрика «Обучение истории в школе: споры 90-х гг.». Раздел «Историография и школьная история» в главе «Британская историография во второй половине XX — начале XXI века» завершается знаковым выводом автора о том, что «споры о соотношении знаний (фактов) и умений имеют не только политико-идеологическую, но и методологическую и историографическую основу. Они проецируются на самый актуальный в современной методологии истории вопрос: существует ли реальная история» (С. 171).

В учебном пособии характеризуются исторические воззрения и вклад в науку представителей новейшей зарубежной историографии, либо вообще не упомянутых (Л. Хант, С. Шама, Э. Валлерстайн, П. Генифе, Ж. Ревель), либо упомянутых вскользь (К. Гинзбург, Р. Дарнтон, Н. З. Дэвис, Х. Уайт, Р. Шартье) в известном учебном пособии московских авторов⁷. Между тем, любой профессионал скажет, что речь идет о блистательной когорте историков мирового уровня, чьи имена не просто на слуху, а сопрягаются с эпохальными поворотами в историографии и новыми исследовательскими направлениями. Кроме того, автор включил в текст отрывки из интервью, взятых им в свое время у Х. Уайта и Р. Козеллека. Это усиливает «эффект присутствия» и позволяет студентам постоять у «верстака» историка, по образному выражению А.Я. Гуревича, получить возможность постижения основ «ремесла» из первых рук.

---

⁷ Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие / Под ред. проф. И.П. Дементьева, проф. А.И. Патрушева. М., 2007.

Внимательное чтение, доставившее массу положительных эмоций, породило некоторые вопросы и соображения, которыми хотелось бы поделиться. Так как «в пособии рассмотрено развитие исторической мысли от эпохи Возрождения» и «наиболее известные труды по проблемам истории нового и новейшего времени стран Западной Европы и Америки» (С. 2) (в том числе — российская историография), представляется, что название пособия должно было быть несколько иным: «Введение в историографию *истории* нового и новейшего времени стран Западной Европы и США». Иначе получается, что речь идет только о западной традиции в осмыслении собственной истории в новое и новейшее время.

В самом начале автор предлагает «договориться об употреблении некоторых терминов» (С. 5) и далее ведет речь об отличиях понятий «течение», «направление», «школа» в историографии. Спору нет, это необходимо, но имело бы смысл в самом начале предложить студентам и определение термина «дискурс», одного из маркеров языка современного историописания. Между тем, автор ограничился лишь тем, что, говоря об «историографическом дискурсе о Французской революции» (С. 38), разъяснил в сноске, что «применение понятия «дискурс» в этом контексте уместно, т.к. «правила» обсуждения темы Французской революции вытекали из политической борьбы периода Реставрации». Много позже, в контексте разговора о постмодернизме в американской историографии, автор пишет, выделяя упомянутый термин курсивом: «Нет никаких абсолютных истин или понятий — все они возникли в том или ином *дискурсе*. Понятие дискурса стало одним из ведущих в постмодернизме. Обстоятельства и правила, а не разум и воля участников определяют обсуждение любых вопросов. Дискурсивный подход предполагает, что свободное манипулирование любого рода понятиями невозможно; в различных дискурсах одно и то же понятие может иметь разный смысл» (С. 131). Но вопрос, что же такое дискурс, все равно остается.

Не совсем, на мой взгляд, понятно выделение в отдельную главу темы «Марксизм и историография (середина XIX — начало XX вв.» (С. 50-64), в то время как предшествующая глава посвящена историографии первой половины XIX в., а последующая — историографии второй половины XIX — начала XX вв. Автора нельзя упрекнуть в предвзятом или некритическом отношении к марксизму. На-

против, все очень взвешенно и сбалансированно. Так, он пишет: «И через много лет после написания «Капитала» многие выдающиеся историки, придерживающиеся взгляда на историю с позиций глобализма, такие, как Ф. Бродель или Э. Валлерстайн, подчеркивали значимость марксовой истории капитализма» (С. 54). Тогда что это — признание особого значения марксизма в истории исторической мысли или, напротив, его «невписывание» в историографические концепты эпохи, в которую он возник и получил свое развитие?

Автор как бы размышляет вслух, что позволяет читателю быть «участником процесса». В то же время «оброненные» по ходу изложения материала, но недостаточно проясненные мысли (С. 15, 66, 87, 93, 231), оставляют вопросы, на которые хотелось бы получить ответ. Например, что стоит за фразой автора о том, что «в русле общей концепции научной революции труды историков-гуманистов рассматривались как разрыв с прошлой историографией. Концепция научной революции оспаривается, однако, рядом современных ученых под влиянием постмодернизма» (С. 15)? Или, допустим, почему Шпенглер называл деление на древний мир, средние века и новое время «невероятно скудной и лишенной смысла схемой» (С. 93)?

В некоторых случаях представляется более уместным включение в библиографические списки более поздних переизданий, в том числе самого недавнего времени, ставших библиографической редкостью работ Ф. Гизо, А. Токвиля, И. Тэна, Т. Карлейля, Г. Бокля, А. Матьеза и других историков XIX – начала XX вв.

Характеристика «Государя» Н. Макиавелли (С. 17, 18) мне показалась несколько однобокой. Ведь, помимо всего прочего, этот труд называли «Марсельезой» XVI столетия⁸, достаточно вспомнить венчающую его главу XXVI «Воззвание об овладении Италией и освобождении ее из рук варваров». Упоминание свободы совести как одного из основополагающих требований левеллеров (С. 20) следовало, на мой взгляд, сопроводить комментарием, что речь идет о «свободе» в рамках протестантизма.

Неудачна, на мой взгляд, цитата из Э. Бернштейна, в которой проводятся необоснованные параллели между партиями и их лиде-

---

⁸ Темнов Е.И. Макиавелли — политический писатель // *Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве.* М., 1996. С. 30.

рами в двух европейских революциях — Английской и Французской (жирондисты — пресвитериане, якобинцы или монтаньяры — индипенденты, эбертисты и бабувисты — левеллеры) (С. 57). Хотя ее дезавуирует авторский комментарий о том, что «на уровне современных представлений о революции в Англии такой тезис трудно принять» (С. 57), цитата все равно врезается в память. Тем более, когда речь идет о том, что, по мнению Э. Бернштейна, «Кромвель был ее (Английской революции. — Л.Х.) Робеспьером и Бонапартом в одном лице, Маратом и Эбером был левеллер Джон Лильберн» (С. 57). Не лучше ли было ее вообще исключить? Так же и следующая цитата об истинных левеллерах (диггерах) как представителях «исключительно пролетарских интересов» (С. 57).

Анализируя творчество французского историка А. Токвиля, родоначальника теории континуитета в историографии Французской революции, А.Б. Соколов пишет, что, «рассматривая революцию как закономерное событие, Токвиль не считал ее неизбежной или необходимой — именно это и позволяет отнести его к консервативной историографии» (С. 72). Не заключено ли в этом утверждении некоторое упрощение воззрений оригинального французского мыслителя, автора не только «Старого порядка и революции», но и «Демократии в Америке»? Возможно, правильнее сказать — «праволиберальный» или «умеренно-либеральный»?

А.Б. Соколов называет Ж. Жореса «одним из первых историков-робеспьеристов (пользуясь предложенным М. Блоком делением на робеспьеристов и антиробеспьеристов)» (С. 59). В другом месте, характеризуя французскую историографию первой половины XX в., автор пишет: «В том числе и взглядами Матьеза были навеяны строчки в главе “Не судить, а понимать” в “Апологии истории” М. Блока, призывавшего “робеспьеристов” и “антиробеспьеристов” остановиться: “Так ли уж важно, каким был Робеспьер?”» (С. 121). Тут не совсем правильно расставлены акценты и есть неточности в цитировании. М. Блок в своей работе «Апология истории, или Ремесло историка», в параграфе первом «Судить или понимать?» главы четвертой «Исторический анализ», говорит об этом делении как затуманивающем суть проблемы, а не помогающем раскрыть драму 1793 г.: «...история, слишком часто отдавая предпочтение награднему списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой

неточной из всех наук — бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями. Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, бога ради, попросту, каким был Робеспьер?!»⁹ Тут к месту, на мой взгляд, были бы две знаковых цитаты из «робеспьериста» Ж. Жореса. «Да, — писал автор «Социалистической истории Французской революции», — в нем уживались священник и фанатик, у него была невыносимая претензия на непогрешимость, гордыня ограниченной добродетели, тираническая привычка обо всем судить по мере собственного разума, и даже в своих личных страданиях — чудовищная сердечная черствость человека, одержимого идеей и в конце концов начинающего отождествлять себя самого со своей верой, интересы своего честолюбия — с интересами общего дела...». И в то же время: «Здесь, под жарким солнцем июня 1793 года, подогревающим вашу жестокую борьбу, я на стороне Робеспьера и в Якобинском клубе сяду на скамью рядом с ним»¹⁰.

По словам автора, «одним из обоснований изоляционизма была идея американской исключительности, сформировавшаяся в начале XX века и господствовавшая в историографии США в течение нескольких десятилетий» (С. 98). Формирование концепции американской исключительности началось с появления первых пуритан на восточно-атлантическом побережье Северной Америки. Недаром она стала одним из идейных обоснований американской экспансии еще в XIX в. Другое дело, что за время своего существования концепция получала то религиозное, то политическое обоснование¹¹.

Характеризуя современную американскую историографию (С. 128), автор упоминает о деятельности Американской исторической ассоциации (АИА), которая существует «более ста лет», а между тем, разговор об американской историографии начинается лишь в главе «Американская историография в первой половине XX века», в

---

⁹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. второе, доп. М., 1986. С. 80.

¹⁰ Цит. по: Галло М. Открытое письмо Максимилиану Робеспьеру о новых шагах. Фрагменты книги // Иностранная литература. 1989. № 7. С. 190.

¹¹ См.: Дементьев И.П. Теория «американской исключительности» в исторической мысли США // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 81-102; Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура. М., 1993.

первых строках которой говорится, что «конец XIX – начало XX веков — время становления национальной историографии США» (С. 98). А где тогда «ранняя школа» в американской историографии и ее яркий представитель Дж. Бэнкрофт? И разве на пустом месте возникла в 1884 г. Американская историческая ассоциация?

Говоря о том, какое место в отечественном англоведении занял Н.А. Ерофеев, автор указывает, что, «как считают многие, лучшей книгой об Англии, написанной в СССР, стала последняя монография этого историка «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1850 гг.» (1982)» (С. 220). Однако хронологические рамки этой книги очерчены конкретными событиями 1825 и 1853 гг. Причем «хронологический отрезок — от восстания декабристов до Крымской войны — избран не случайно. За эти три десятилетия отношения между обеими странами претерпели значительную эволюцию и из довольно дружественных превратились во враждебные»¹².

В качестве пожелания на будущее (ибо трудно представить, что столь ценное издание, востребованное в практике преподавания курса зарубежной историографии, не будет переиздаваться) от «заинтересованного» читателя позволю себе напомнить о желательности именного указателя, который только украсит пособие и станет хорошим «люцманом» для студентов.

Сегодня много говорят об актуальности в современных условиях возвращения таких понятий, как «диалог», «гуманитарный», «гуманизация», «гуманистический», в их исторические контексты, о необходимости гуманитаризации современной системы образования. На мой взгляд, речь, прежде всего, идет о привитии обучаемым диалогического мышления, умения и способности слушать и слышать Другого в нашем взаимосвязанном и взаимозависимом мире. Но одно дело — говорить о диалогическом мышлении как о желательной перспективе, а другое — вносить конкретный вклад в процесс его формирования. Так как это сделал в своем учебном пособии педагог и историк по призванию — Андрей Борисович Соколов.

---

¹² Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М., 1982. С. 5.